

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

С.М. Профатилова

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры второго иностранного языка
e-mail: profatilova@bsu.edu.ru*

Ю.Е. Балабаева

*Старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков
e-mail: balabaeva@bsu.edu.ru*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена исследованию категории эвиденциальности в разноструктурных языках, с разграничением прямой и косвенной эвиденциальности, а также рассмотрению лексических, морфологических, синтаксических средств выражения значений эвиденциальности, на различных уровнях языковой системы в сопоставительно-типологическом аспекте. Особое внимание также уделяется сложноподчинённым предложениям, в качестве репродуктивной эвиденциальной модели, представляющей собой метареферентивные конструкции.

Ключевые слова: *эвиденциальность, прямая/косвенная эвиденциальность, инференциальность, метареферентивные конструкции.*

Значение категории эвиденциальности, её употребление, функции и средства выражения могут быть различными в разноструктурных языках, поэтому изучение категориального статуса эвиденциальности и её трактовка должна быть различной в применении к языкам разных семей, в зависимости от темпов и эволюционных условий их развития. Общим является то, что в эвиденциальной структуре всегда присутствует имплицитное или эксплицитное указание на источник получения информации посредством разноуровневых средств.

Средства выражения значений эвиденциальности многочисленны и относятся к различным уровням языка, обнаруживая полевою структуру. В языках, обладающих грамматической категорией эвиденциальности ядро функционально-семантического поля эвиденциальности конституируют глагольные (морфологические) формы – эвиденциалы, в то время как периферию поля составляют лексические и синтаксические средства реализации эвиденциальных значений (выступающие либо самостоятельно, либо в комплексе с морфологическими формами) [Исхакова и др. 2007: 475–476; Ницолова 2007: 191; Балабаева 2008: 20–36].

Значительно сложнее структура функционально-семантического поля эвиденциальности в языках, не имеющих специализированные формы – эвиденциалы, однако эта проблема является малоисследованной.

В сопоставительно-типологическом аспекте выявлены значительные языковые ресурсы, доступные носителям языка для выражения различных типов эвиденциальных значений. Назовём основные эвиденциальные формы, характерные для разноструктурных языков:

1. Эвиденциалы (глагольные формы, выражающие различные эвиденциальные значения). Приведём некоторые примеры:

1.1. Татарский язык:

а) Прямая засвидетельствованность (претерит): *marat kIl-dE* = *Марат пришёл* (констатация очевидного факта: *Марат входит в комнату*).

б) Инференциальность или пересказывательность (аналитический перфект со вспомогательным глаголом *IkAn*): *zInnur keSek-ne UtEr-gAn I-kAn* = *Зиннур убил собаку* (информация либо получена от другого лица, либо является умозаключением: зная жестокий нрав Зиннура и видя мёртвую собаку, говорящий делает такой вывод).

в) Адмиративность: *ruslan jat-kan I-kan* = *Руслан лёг* (удивление по поводу сна среди бела дня) [Влодавская 2000: 2–5].

1.2. Болгарский язык:

а) Прямая засвидетельствованность: *аз виджам/мисля* = *я вижу/думаю*.

б) Инференциальность: *Иван е заминал* = *Иван уехал* (так как в коридоре нет его чемодана).

в) Ренарратив: *Иван заминал* = *(X сказал, что) Иван уехал*.

г) Дубитатив: *Иван бил заминал* = *Иван якобы уехал (но я не верю)* [Ницолова 2006: 29, 31].

1.3. Эвенский язык:

а) Засвидетельствованность (аорист): *Эни эмэ-рэ-н* = *Мама только что пришла*.

б) Незасвидетельствованность (перфект): *Эни эмэ-чэ-н* = *Мама (говорят) пришла* [Мальчуков 1999: 123].

2. Сложноподчинённые предложения в функции ренарратива с глаголами речи в главном предложении, являющемся эвиденциальной рамкой EV, вводящей пропозитивную часть, т.е. придаточное предложение (форма EV+P).

Данные типы предложений имеют место во всех языках, не располагающих грамматической категорией эвиденциальности (в русском, немецком, английском, французском и др.), ср.: *Он сказал, что... = Er sagte, dass...; He said that...*. Ср.: **немец.** *sagen, bemerken, behaupten, glauben*; **англ.** *say, mention, think, guess*; **франц.** *dire, croire, penser, douter*; **русс.** *говорить, заметить, утверждать, полагать*. Кроме того, в рамках данных СПП широко распространены перцептивные глаголы и глаголы

ментальной деятельности (*sagen, hören, wissen, kennen*), создающие прагматический эффект убеждения в истинности слов говорящего [Григорьева 2008: 28–29]. Предложения такого рода представляют собой синтаксические аналоги морфологических эвиденциальных форм и имеют ярко выраженное эвиденциальное значение. Скорее всего именно эти конструкции являются прототипической формой выражения эвиденциальности в языках, не имеющих морфологической категории эвиденциальности. Это «метаязыковые знаки», *метарепрезентации* в рамках «метакоммуникативной ситуации» [Клепикова 2008: 5, 8; Григорьева 2008: 28; Верхотурова 2008: 13], ср. также и другие термины: *дескриптив, репрезентатив, метакоммуникация, мультисобытийная деятельность* [Wunderlich 1979: 314; Гуревич 2008: 35–36].

Некоторые глаголы речи имеют дополнительный модальный оттенок (*убеждать, уверять, утверждать* и мн.др.), что и является причиной дискуссий относительно статуса категории эвиденциальности.

3. Модальный глагол в сочетании с инфинитивом I/II в функции ренарратива (немец. *sollen, mögen*; англ. *shall, will*; франц. *devoir, pouvoir*). Данные глаголы в сочетании с инфинитивом обретают эвиденциальные значения, выходящие за рамки модальных значений в силу транспозиции модальных глаголов в сферу метакоммуникативности.

Так, например, в немецком языке конструкция *sollen+Infinitiv I/II* служит для нейтральной (дистантной) передачи чужих слов [Diewald, Smirnova 2006: 4; Weinrich 1993: 313; Helbig, Buscha 2001: 120, 122; Schenner 2008: 180–181; Мельникова, Балабаева 2019: 138–145], при этом, подобно глаголам-эвиденциалам языков с грамматической категорией эвиденциальности, эти формы репрезентируют реферируемую информацию, а указание на косвенность передачи содержится в самой структуре глагольной формы – при переводе на русский язык необходимо вводить дополнительное предложение с перформативом (грамматическая трансформация в сложноподчиненное предложение) типа *Говорят, что...; X говорит, что...*. Например: *Du sollst einen Brief bekommen haben?* – *Говорят, что ты получил письмо?* [Ханзен 2007: 247–248; Дзенс, Перевышина, Кошкарлов 2007: 211; Мельникова, Балабаева 2019: 138–145].

Глагол *mögen* сохраняет модальный оттенок возможности, сопровождаемой значением косвенной эвиденциальности, ср.: *Du mögest zum Chef kommen* – *Шеф просит/приглашает тебя*; аналогично: *Du sollst zum Chef kommen* – *Шеф велел тебе зайти/Шеф вызывает тебя* [Weinrich 1993; Helbig, Buscha 2001; Schenner 2008; Дзенс, Перевышина, Кошкарлов 2007; Балабаева, Дзенс 2006; Мельникова, Балабаева 2019].

Модальный глагол *wollen + Infinitiv I/II* имеет значение дубитатива, выражает сомнение в передаваемых им словах «третьего» лица: *Er will alles mit eigenen Augen gesehen haben* – *Он якобы видел все это собственными глазами; Он утверждает/уверяет, что (якобы) видел всё*

это [Diewald, Smirnova 2006: 4; Helbig, Buscha 2001: 122; Weinrich 1993: 312; Schenner 2008: 180–181; Крушельницкая, Попов 1992: 198–199; Ханзен 2007: 249–250; Дзенс, Перевышина, Кошкарров 2007: 229; Балабаева, Дзенс 2006: 22; Балабаева 2007: 11].

4. Парентезы («включённые» конструкции в форме предложений или словосочетаний), вводные безличные обороты. Ср.: **немец.**: *laut/nach X, nach der Meinung von X, nach Auskunft von X, X zufolge, wie gesagt, es ist/wird gesagt*; **англ.**: *according to him/to his story, to my mind, in my opinion, generally speaking, as everybody believes/knows/thinks, a note said, I think/guess/suppose, it is assumed, its known, it seems*; **франц.**: *il semble, paraît-il, à ce qu'il paraît*; **русс.**: *согласно X, по данным X, по мнению X, как говорят, как сказано (где-то)* [Кобринна 2003: 73–83; Корди 2007: 275–278; Мордасова 2005: 69–70; Балабаева 2008: 28–29].

5. Модальные частицы и наречия, в функции инферентива, выражающие различные когнитивные состояния говорящего и его отношение к сообщаемой информации (преобладают в элементарных предложениях, возможны также в пропозитивной части сложноподчиненного предложения): а) сомнение относительно чужих слов: **русс.**: *де, дескать, мол, якобы*; б) инференциальность: *очевидно, по-видимому, следовательно, возможно, по-моему, по-нашему* (восходят исторически к аористу глаголов речи: *дети = говорить, де+сказать, молвить* и к экзистенциальному глаголу *быть*), *видно, видать, вероятно, небось, пожалуй, может быть*; **немец.** *angeblich, vorgeblich* «будто бы, якобы», *vielleicht* «может быть, пожалуй, возможно», *wahrscheinlich* «вероятно, должно быть»; **англ.** *allegedly* «ссылаясь», *reportedly* «как сообщается», *apparently* «по-видимому», *probably* «возможно», *evidently* «очевидно», *obvious* «очевидно, ясно»; **франц.** *probablement* «вероятно», *evidemment* «по-видимому», *certainement* «конечно». Например: **немец.** *Авось увидимся когда-нибудь – Vielleicht sehen wir uns noch einmal*; **англ.** *Возможно, это паук – It is probably a spider*; **франц.** *Возможно, Джеф выпил больше, чем обычно – Probablement Jef a bu plus que de coutume* [Козинцева 1994: 96; Кобринна 2003: 67; Корди 2007: 283].

6. В немецком, английском и французском языках инференциальное значение, близкое к значению ксеночастиц, нередко имеют **синтаксические конструкции с различными типами глагольных предикатов:**

а) **Модальные глаголы в сочетании с инфинитивом** обнаруживают разную степень уверенности в достоверности информации, как, например, в немецком языке: *müssen* ≈ 99 – 100%, *dürfen* ≈ 80%, *mögen* ≈ 60%, *sollen* и *können* ≈ 50% [Helbig, Buscha 2001: 121; Weinrich 1993: 297–309; Дзенс, Перевышина, Кошкарров 2007: 235, 245; Мельникова, Балабаева 2019: 138–145]. При переводе используются

модальные частицы или конструкции со значением неуверенности, приблизительности: *Er mochte/sollte zwischen 20-25 sein.* – *Возможно/вероятно, ему было лет 20-25; Das mag wohl stimmen.* – *Пожалуй, ты прав. Er ist vor einer Stunde weggegangen, jetzt muss er schon zu Hause sein.* – *Он ушёл час тому назад; весьма вероятно, что он уже дома, а также другие возможные эквиваленты для müssen: вполне возможно, скорее всего, наверняка, весьма вероятно, судя по всему и т.п. Die Angaben dürfen stimmen.* – *Эти данные, пожалуй, верны; Heute dürfte es ein Gewitter geben.* – *Сегодня, кажется/похоже, будет гроза, и другие варианты для dürfen: должно быть, по-видимому, возможно, вероятно, предположительно, вроде бы, мне кажется, я думаю/полагаю и т.п. [Дзенс, Перевышина, Кошкарров 2007: 202, 223, 240; Балабаева 2007: 84].*

Аналогичные значения в английском языке имеют и сочетания инфинитива с модальными глаголами *must* и *may*, например: *John must be at home (the light is on)* – *Джон, скорее всего/должно быть, дома (в окнах виден свет); He must have already left* – *Он теперь (скорее всего) уже уехал; It might be a spider = It's probably a spider* – *Это, вероятно, паук; (There are two routes), he may have taken the high* – *Здесь два пути, он, возможно/вероятно, уже достиг вершины [Правикова 2001: 68–69].*

Как видим, в английском языке сочетание модального глагола *must* с инфинитивом также обозначает высокую уверенность в достоверности предположения, а сочетание *may* с инфинитивом – предположение, что пропозиция, возможно, верна. Аналогично сочетание *will* с инфинитивом обозначает вероятность, предположение, ср.: *The'll be on holiday at the moment* – *Он уже, наверное, сейчас в отпуске; That'll be the postmen* – *Это, вероятно, почтальон [Правикова 2001: 68–69].*

Во французском языке модальный глагол *devoir* в сочетании с простым или перфектным инфинитивом предельных и неопределённых глаголов всегда имеет значение инференциальности, обозначая при этом высокую степень достоверности, ср.: *Allez, tes cousins doivent être rentrés, finit par dire Albertine* – *Ну вот, твои родные, наверное, уже вернулись домой, – сказала, наконец, Альбертина.* Модальный глагол *pouvoir* также выражает значение инференциальности и предположения, употребляясь в сочетании с простым инфинитивом или сложным пассивным инфинитивом от неопределённых глаголов: *Qu'est-ce que c'est? Demanda Miss Gay.* – *Ce ne peut être Stevens, ou le Pasteur.* – *Что это? – спросила мисс Гей. – Это может быть только Стивенс или пастор; или в сочетании со сложным инфинитивом от предельного зависимого глагола: *Finalemen, c'est (...) le gendre, qui pouvait s'être disputé avec son beau-père et en être venu aux coups.* – *Наконец, возможно, что (...) зять поспорил с тестем и дошёл до драки [Корди 2007: 279, 283–285].**

б) Предположение в немецком языке выражают также формы футура, нередко с добавлением частицы *wohl*: *Es wird jetzt (wohl) zu Hause*

sein (Futur I) – *Вероятно, он сейчас дома; Er wird gestern Abend zu Hause gewesen sein* (Futur II) – *Вчера вечером он, вероятно, был дома* (инференциальное значение).

в) Во французском языке инферентивную функцию выполняет кондиционал, выражая мнение говорящего, построенное на основе известных ему посылок, и одновременно значение неуверенности, предположения, ср.: *Nous voyons essentiellement deux raisons à ces fluctuations. La première relèverait peut-être de la méthode utilisée, la seconde viendrait de ce que le système temporel bulgare n'a pas été complètement décrit sous formes de paradigms* – *Мы видим две основные причины этих флуктуаций. Первая связана, возможно, с использованным методом, вторая (по-видимому) возникла в связи с тем, что болгарская система времён ещё не описана полностью в виде парадигм; Il a dû reconnaître devant la maison... – Aurions-nous de la visite? Crie-t-il joyeusement depuis l'entrée* – *Должно быть, он узнал её мотоцикл около дома... – Что, кажется, у нас гости? – радостно восклицает он, едва войдя в дверь; Ce ne serait pas plutôt que tu aurais soif? – А может быть, точнее, ты хочешь выпить?* [Корди 2007: 264–267].

Таким образом, данные конструкции сочетают значения эвиденциальности и модальности, и зачастую именно примеры такого рода служат аргументом в пользу трактовки категории эвиденциальности как субкатегории эпистемической модальности. Однако данные конструкции несут совершенно очевидное свидетельство о том, является ли эта информация «своей» (инферентив) или «чужой» (ренарратив), а уж затем на это свидетельство «наслаиваются» различные модальные оттенки. Данные конструкции представляют собой зону пересечения функционально-семантических полей эвиденциальности и модальности, являясь одновременно принадлежностью обоих полей.

7. Морфологические формы глагола в функции ренарратива (выступающие в составе сложноподчиненного предложения метакоммуникации либо самостоятельно, в составе элементарного предложения, однако после высказывания, вводящего «чужую речь»).

В немецком языке широкое распространение в косвенной речи имеют «презентные» формы конъюнктива (Konjunktiv I), значение которого является дискуссионным: одни исследователи полагают, что конъюнктив I нейтрален (дистантен) по отношению к достоверности передаваемой говорящим/пишущим информации [Helbig, Buscha 2001: 176, Weinrich 1993: 261; Балабаева, Профатилова 2015: 117–121], другие же считают, что конъюнктив I служит средством дистантности (недоверия, сомнения, смягчения негативной оценки и т.п.), на основании чего делается заключение о принадлежности средств выражения категории эвиденциальности к категории эпистемической модальности [Шакирова 2007: 328].

8. Фразеосхемы (конструкции с устойчивой моделью и ограниченным лексическим наполнением в области эвиденциальной рамки). В настоящее время в германских и романских языках сохраняется лишь конструкция *accusativus cum infinitivo*, представляющая собой семантическое двудерное образование: $N_1 + Vf$ (немец. *sehen, hören*; англ. *see, hear*; франц. *voir, entendre*) + $N_2 + Infinitiv$, т.е. $EV + (N_1 + Vf) + P (N_2 + Inf.)$. Ср. немец.: *Ich sah ihn gehen* – Я видел, что он идет; *Ich hörte sie singen* – Я слышал, как она поёт; англ.: *I see/heard to like him* – Я вижу/слышал, что нравлюсь ему; франц.: *Les femmes de l'ancien bourg l'avaient vu s'arrêter sous les arbres* – Женщины старого города видели, как он остановился под деревьями; *Je entendres des hommes, des femmes, des enfants courir en tout sens* – Я слышу, как мужчины, женщины, дети бегут во всех направлениях [Дзенс 2007: 175–177; Дзенс, Балабаева 2013: 46–52].

В английском языке сюда относятся также конструкции с амальгамированным сказуемым (термин О. Н. Прохоровой): *He supposed to be a talented writer* – Из него, я думаю, получится талантливый писатель [Кобрина 2006: 90–100].

В немецком языке аналогичную функцию выполняют конструкции *scheinen + zu + Infinitiv I/II, scheinen + Partizip II/Adjektiv*: *Der Brief scheint abgeschickt zu sein* – Письмо, по-видимому, отправлено; *Ihm scheint es besser zu gehen* – Ему, как будто, лучше; *Diese Frage scheint vielen wichtiger* – Этот вопрос кажется многим важнее [Балабаева 2009: 23–27].

В немецком языке средневерхненемецкого и ранненовонемецкого периодов XII–XVI вв. в рамках эпоса зафиксировано значительное число структурных типов четырёхкомпонентных фразеосхем, т.е. устойчивых синтаксических конструкций, представляющих собой стяжение двух предикативных структур: а) эвиденциальной рамки *man + Vf* с глаголами речи и восприятия (*sehen, hoeren, kiesen/vinden, jehen* = видеть, слышать, увидеть/заметить, слышать/услышать), репрезентирующей некоторого явствующего из контекста (и к тому же надёжного) «коллективного» очевидца/свидетеля; б) актуализируемого компонента, возникающего в результате стяжения второй предикативной структуры, предикативного центра, в результате чего возникают следующие структурные типы фразеосхем: $N_{man} + Vf + N_a + АК$ (актуализируемый компонент: $N_{präp}, Inf.$), $N_{man} + Vf + Nd + АК (N_a)$. В составе эпического текста эти конструкции не воспринимаются дословно: в них (согласно эпической литературной традиции того времени) смещается акцент на агентивное дополнение ($N_a, N_d, N_{präp}$) и актуализируемый признак, в силу чего эвиденциальный компонент обретает роль «фона» для акцентирования достоверности информации, а в коммуникативный фокус выдвигается «свёрнутая» предикативная структура (агенса и свидетельствуемый признак), по типу: *man sach in in wirde = er was in wirde; man sach sie heldenhafte striten = sie striten heldenhafte* – Он был полон достоинства, они героически

sражались; man sach/kōs an im rīchiu kleit = er wasim rīchen kleit/er hāte rīchiu kleit – Он был в богатом одеянии/на нём было богатое одеяние; man sach/kōs/vant/hōrte ir klage/sie klagen unde weinen – Они плакали и стонали. В ряде случаев семантический субъект выражается формой притяжательного местоимения, и в этом случае фразеосхема имеет трёхкомпонентную структуру: $N_{\text{man}} + Vf + N_a(\text{АК})$. *Man hōrte/kōs ir weinen, man hōrte/kōs daz weinen unde klagen von kindern unt frouwen – Был слышен их плач/плач и стенания детей и женщин.* В зависимости от контекста эти фразеосхемы обнаруживают различную степень устойчивости, и эвиденциальный компонент может осознаваться с различной степенью отчётливости. Дословно воспринимаются фразеосхемы с глаголами речи: *man jach im wirde/rīchiu kleit = o ego достоинствах/богатых одеждах много говорили/говорили все.* Ссылка на очевидца является типичной чертой средневекового героического эпоса; с его угасанием данные структуры утрачиваются (сохраняется лишь конструкция типа *accusativus cum infinitivo*, в которой все компоненты являются полнозначными: *Ich hörte ihn sagen, dass... = Ich hörte, wie er sagte, dass...; Ich sah ihn kommen = Ich sah, wie/dass er kam* [Дзенс 2007: 175–177]).

Как видим, значение категории эвиденциальности в настоящее время широко распространено в разноструктурных языках, представлено прямо или косвенно в различных лексических, морфологических, синтаксических формах, на различных уровнях языковой системы. Средства выражения эвиденциальности имеют давнюю историю, изменяются в процессе развития языка и зависят от жанрово-стилистических характеристик текста, исследование которых является одной из первостепенных задач теории эвиденциальности.

Помимо названных в представленной работе эвиденциальных форм существуют ещё многочисленные средства репрезентации фактора эвиденциальности, специфичные для конкретных языков, однако данный обзор уже позволил нам выявить проблемные моменты, связанные со статусом категории эвиденциальности (её спецификой и «точками пересечения» с другими категориями).

Библиографический список

Балабаева Ю.Е. Автореферентные эвиденциальные конструкции немецкого языка с глаголом *scheinen* (к проблеме межкультурных различий маркеров эвиденциальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 23–27.

Балабаева Ю.Е. Полифункциональность конструкции «*mögen+Infinitiv*» и приёмы её перевода на русский язык (на материале художественной литературы). Личность-слово-социум: материалы VII

Междунар. науч.-практ. конф., 11–12 апреля 2007 г., г. Минск: в 3 ч. // отв. ред. Т.А. Фалалеева. Минск: Паркус плюс, 2007. Ч. 2. С. 81–85.

Балабаева Ю.Е. Средства выражения категории эвиденциальности в немецком научном тексте (к проблеме исследования) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия филология. 2008. № 4 (18). С. 20–36.

Балабаева Ю.Е., Дзенс Н.И. Семантическое поле конструкций с модальными глаголами *wollen* и *mögen* // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы Международной научной конференции (г. Белгород, 11–13 апреля 2006 г.): в 2 ч. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Вып. 9. Ч. II. С. 20–24.

Балабаева Ю.Е., Профатилова С.М. Презентные формы конъюнктива в функции грамматикализованных маркеров эвиденциальности в современном немецком языке (на материале научного текста) // Лексикография и коммуникация – 2015: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 23–24 апреля 2015 г.) / под ред. А.П. Седых. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 117–121.

Верхотурова Т.Л. Наблюдатель в коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №1. С. 32–38.

Влодавская Н.В. Ирония и эвиденциальность [Электронный ресурс] // Труды международного семинара Диалог 2000 по компьютерной лингвистике, 2000. С. 1–5. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/vlodavskaya/> (дата обращения: 21.01.2020).

Григорьева В.С. Аргументативные дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 32–38.

Гуревич Л.С. Метакоммуникативные предикаты через призму коммуникативного пространства коммуниканта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №2. С. 32–38.

Дзенс Н.И. Фразеосхемы древненемецкого языка (XII – XVI вв.) как средство реализации эпического мироощущения // Язык и межкультурная коммуникация. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 175–177.

Дзенс Н.И., Балабаева Ю.Е. Фразеологизмы со значением эвиденциальности в древненемецком эпосе (XII – XVI вв.) // Перевод. Язык. Культура: IV Междунар. заочная науч.-практ. конф. 30 марта 2013 г. / отв. ред. Е.В. Дворецкая. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 46–52.

Дзенс Н.И., Перевышина И.Р., Кошкарров В.А. Теория и практика перевода: учебное пособие. СПб.: Антология, 2007. 560 с.

Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А., Шенцова И.В. // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 469–518.

Клепикова Т.А. Типология лингвистических метарепрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №3. С. 5–16.

Кобрина О.А. Категория эвиденциальности в современном английском языке (семантика и средства выражения): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 160 с.

Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (7). С. 90–100.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. №3. С. 94–104.

Корди Е.Е. Категория эвиденциальности во французском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 253–291.

Крушельницкая К.Т., Попов М.Н. Советы переводчикам. М.: Высшая школа, 1992. 255 с.

Мальчуков А.Л. Перфект и эвиденциальность в тунгусских языках (опыт функционально-диахронического анализа) // Вопросы языкознания. 1999. №3. С. 119–132.

Мельникова Ю.Н., Балабаева Ю.Е. Эвиденциальная функция модальных глаголов в современном немецком языке (на материале научного текста) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1 (32). С. 138–145. URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/032-017_u4i3SPN.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

Мордасова Т.П. Категориальная и функциональная сущность косвенной засвидетельствованности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2005. 167 с.

Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. №4. С. 27–44.

Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 107–196.

Правикова Л.В. Эпистемические и культурные основания эвиденциальности в судебном дискурсе // Вестник ПЛГУ. 2001. №1-2. С. 67–74.

Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 241–252.

Шакирова Р.Д. Эпистемический статус высказывания: на материале современного немецкого языка: дис. ... докт. филол. наук. Набережные Челны, 2007. 404 с.

Diewald G., Smirnova E. The German evidential constructions and their origins. A corpus based analysis [Электронный ресурс] // Papers presented at the International conference on tense, aspect, mood and modality, 18-20 september 2006, University of Antwerp, Belgium, Frank Brisard, Tanja Mortelmans & Walter de Mulder (eds.) [im Druck]. URL: https://doi.org/10.1163/9789042032705_006 , www.semanticscholar.org (дата обращения: 21.01.2020).

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig / Berlin / München / Wien / Zürich / New York: Langenscheidt / Enzyklopädie, 2001. 654 S.

Schenner M. Semantics of evidentials: German reportative modals [Электронный ресурс]. 2008. Pp. 178–198. URL: <http://www.semanticscholar.org> (дата обращения: 21.01.2020).

Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. 1111 S.

Wunderlich D. Was ist das für ein Sprechakt? // Sprechakttheorie und Semantik / Hrsg. G. Grewendorf. Fr. a/M: Suhrkamp, 1979. S. 275–324.